

Все возрастающая роль арабских государств на международной арене, интенсификация их политических, экономических, культурных и иных контактов со странами внешнего мира, укрепление в обстановке коренных социально-экономических преобразований позиций национального языка нашего повлекли интерес к изучению арабского языка в обеих его формах — письменной-литературной и устно-диалектной. Свидетельством этого постоянно растущего интереса является умножение числа издаваемых вне стран арабского мира разнообразных по своим задачам языковых материалов и методическим установкам учебников и словарей этого языка. Рецензируемое пособие — это результат работы языковедов-арабистов Секции Ближнего Востока и Африки Университета имени К. Маркса (г. Лейпциг, ГДР). В этом уникальном и мировой арабистике по объему учебнике¹ авторы на современной методической основе ставят и пытаются решить многие сложные вопросы создания учебного пособия современного арабского литературного языка (САЛЯ).

Новизна рецензируемого учебника определяется его структурой, современностью и многообразием предложенного для изучения текстового материала, детальной и глубокой разработкой грамматики САЛЯ, изобилием разнообразных тренировочных и речевых упражнений. В отличие от большинства существующих учебников, имеющих основной целью обучения чтение и понимание арабских письменных текстов, авторы данного пособия последовательно держатся методической схемы «слушание — говорение — чтение — письмо» и тем самым устраняют недостатки старого филологического метода, еще широко распространенного в востоковедных учебных заведениях. Всем своим содержанием Учебник показывает, что его авторы учли факт превращения арабского литературного языка (АЛЯ) из орудия изучения литературного арабского наследия в живое средство современной коммуникации. Новые задачи изучения САЛЯ, поставленные авторами Учебника, обуславливают необходимость нового решения многих вопросов методики преподавания языка², которая должна следовать не только за достижениями лингвистики, но и учитывать особенности языковой ситуации в регионе. Эффективное и целенаправленное освоение громадной по объему совокупности стилистически разнородных текстов Учебника невозможно без

учета не только структурных, но и определенных социалингвистических (диалектных) характеристик арабского языка. В связи с функционально-стилистическим расчленением текстов Учебника, выделяющих обязательные, преимущественно страноведческого содержания тексты и диалогические тексты, имитирующие беседу на САЛЯ студента, изучающего язык, с носителем языка, стоит вопрос об употреблении так называемой контекстной и паузальной форм слова, т. е. реализации синтаксической флексии в тексте речи и опущении ее в паузе. В современной арабской звуковой речи, в частности при чтении литературных текстов вслух, корректное воспроизведение контекстных и паузальных форм осуществляется лишь на самых высших стилистических уровнях, например, при речевых определенных классических текстах и в торжественных ораторских выступлениях, на средних же и низших уровнях воспроизведение контекстных форм снижается вплоть до их элиминации в разговорной форме САЛЯ³. Поэтому учитывая реалии языковой ситуации, вполне обоснованно высказывается мнение, что в основном курсе САЛЯ система синтаксических флексий должна излагаться частично. Однако, как и многие другие учебники САЛЯ, рецензируемый Учебник, очевидно, ставит задачу полной реализации контекстных форм, причем даже в паузе (ср.: *al-āhu 'alim*, *al-āhu 'akbar*, *al-āhu 'ag*, *adda*, *ja'ni ammadu* — I, с. 412 и др.⁴). Выбор решения в данном случае должен быть сделан в пользу более естественного и принятого способа выражения.

Обязательные тексты Учебника, в основном адаптированные материалы арабской прессы и частично отрывки из художественной литературы, представляют собой типичные образцы современной живой письменной речи и широко отражают современную общественно полити-

³ Проблема контекстных и паузальных форм рассматривается в частности, в работах [4—8]. Следует вспомнить, что средневековые филологи аль-Джахиз, Ибн Кутейба, аль-Калькашанди и др. указывали, что экспрессивная устная речь должна быть синтаксически нефлектированной, письменная же содержать все флексии.

⁴ Возникает вопрос: если имя собственное *muhammadu* сохраняет флексию даже в паузе, то как нужно читать составные имена *nasan ra'id* (I, с. 351), *adn n-arif* (I, с. 231) и т. п.? Обсудив вопрос флектирования составного имени собственного в фразе: *s fara mu ammad al-nasan* «Мухаммад Али Хасан ухал», Каирская академия приняла решение употребить компоненты составных имен в паузальной форме [9]. В современной письменной-литературной арабской речи наблюдается четкая тенденция вывести имена собственные и географические названия из парадигмы склонения.

¹ Первая часть Учебника состоит из 28 уроков, вторая — из 24. Третья часть (выходящая в свет в 1987 г.) включает 30 уроков. В ней излагаются вопросы стилистики и семантики САЛЯ, теории и практики перевода.

² Появлению учебника предшествовали методические статьи основных авторов; см. [1—3].

языковую, экономическую и культурную действительность стран арабского мира, тенденции их демократического развития. В диалогах же стремление авторов дать безупречные с точки зрения САЛН грамматические конструкции, создать завершённые и полные высказывания делает язык несколько искусственным и горжественным, не соответствующим содержанию беседы (например, II, с. 30—51, 327).

Эффективность и интенсификация обучения арабскому литературному языку обеспечивается раскрытием в Учебнике подоснованных основными явлениями структуры языка. В нем отведено большое место лингвистическому описанию САЛН.

Фонетика и письмо. Общетеоретическая часть вводного курса, в которой излагаются сведения по арабской фонетике и письму, предельно сжата: авторы указывают, что фонетика и письмо должны излагаться в самостоятельных учебных пособиях⁵. Однако хотелось бы видеть в Учебнике хотя бы краткие сведения о региональном варьировании словесного и фразового ударений, а также региональной реализации некоторых классических фонем в соответствии с диалектной нормой. К сожалению, как в основном, так и в продвинутом курсах не нашли освещения также вопросы графики и орфоэпии современной заимствованной лексики и особенно терминологии, в изобилии представленной в текстах Учебника. Между тем фонетическое и графическое варьирование заимствованных (ср., например, арабские эквиваленты слов «Гонконг», «Англия», «сигареты» и др.), в том числе допустимость двусогласного начала, является важным дифференциальным признаком САЛН. Поэтому в поурочных списках слов для современных заимствований необходима фонетическая транскрипция.

Г р а м м а т и к а. Грамматике в учебниках АЛН по традиции принадлежит ведущее место — многие из них по существу являются грамматиками АЛН, где основное внимание уделяется учению о формах слов. В современной европейской и американской арабистике трудно назвать другое учебное пособие, в котором предпринималась бы попытка столь полного и всестороннего изложения грамматики САЛН и, в частности, синтаксиса. Полагаем, что последовательный подход к слову как к лексической, неделимой единице, раскрывающейся в определенном наборе словоизменительных форм, — главная задача основного курса. Четкое выделение в его рамках хорошо организованного минимума сведений по словоизменению, последующее его систематическое расширение с подлинным сведением по словообразованию в продвинутом курсе является одной из главных задач учебника САЛН. Поэтому преждевременным представляется осуществлен-

ное в Учебнике (начиная с четвертого урока по второй части) введение понятий «корень» и «модеба», абстрактно-теоретическое определение корня как носителя «осредленного смыслового значения слова» (I, с. 70), в как следствие, расположение слов в словарях по алфавиту корней и согласных. Этот прием, на наш взгляд, осложняет изучение языка на начальном этапе. Очевидно, в пределах основного курса следовало бы, дав понятие о делении слов на части речи, изложить их основе грамматические категории, представить типовые синтаксически сконструированные и лишь на продвинутом этапе заниматься анализом словообразовательной структуры слова.

При изложении грамматики в Учебнике явное предпочтение отдается описанию форм и конструкций без раскрытия их содержания. Формально-традиционный подход отмечается, например, в описании системы деятеля нового словообразования, где даются весьма скудные сведения о семантике глаголов в расширенных основах. Опыт преподавания показывает, что изучение словообразовательных форм должно осуществляться одновременно с изучением их содержания. Примером формального подхода является раскрытие темы «причастие». Упомянув, что причастие является именной формой глагола (I, с. 336), авторы в качестве иллюстрации дают слово *ʔilib*, где значение «студент» является результатом лексикализации причастного значения. Здесь приводятся также имена, хотя и образованные по моделям причастий, но в функции причастий не употребляемые, как *ʔinib* «сторона», *ʔikha* «фрукты», *ʔama* «столица» (I, с. 339), а также единицы, представляющие собой дальнейшие шаги словообразовательного процесса, как *d.ʔira* «круг» (I, с. 339), *muʔkila* «проблема» (I, с. 341), или результат сокращения речи, например, *ʔimiʔa* «университет» от *mad-rasa ʔimiʔa* и *ʔ.ʔi* «почтовая марка» от *ʔ.ʔi al-barid*. По традиции к причастиям отнесены и образования типа *banni* «когеструктивный», *noffi* «реактивный» (I, с. 341), в САЛН функционирующие исключительно как прилагательные, а также образования типа *ʔa ʔala*, в САЛН обозначающие инструменты и транспортные средства (I, с. 342).

В противоположность причастию имя действия (инфинитив, по терминологии авторов) сразу интерпретируется как именная форма глагола (I, с. 361) и отмечается, что большинство инфинитивов могут лексикализоваться по схеме «действие — результат действия» (I, с. 363), но не указывается формальные признаки лексикализации. Остается ли инфинитив инфинитивом, образуя форму ми. числа, выступая как субъект, объект, предикат и т. д.?

Означим также, что структура имени абстрактного истолковывается то как форма женского рода имени относительного (I, с. 326) и, следовательно, суффикс — является -a, то как дериват с суфф. -*ʔyul* (II, с. 978). В последнем случае цитируемый лексический материал (II, с. 978—980) свидетельствует, что под именем абстрактным понимается лишь

⁵ Как дополнение к рассматриваемому Учебнику издано пособие по фонетике АЛН [10]. Последним по времени зарубежным учебником арабского письма является, очевидно, [11].

форма безотносительно к выражаемому ею значению. Однако как модель, так и словообразовательный аффикс в АЛЯ может быть носителем нескольких словообразовательных значений, как то имеет место с суф. *-iyūa*. Неточным представляется также истолкование собирательной множественности на *-āt* вроде *ḥazafīyyūt* «керамика», *ʾiqṭiṣādīyyūt* «экономика» и др. как соотносённой с именем абстрактным (I, с. 321). Историческое тождество словообразовательных средств АЛЯ на двух этапах его развития (классический арабский язык — САЛЯ) предполагает при описании современного арабского словообразования необходимость особого внимания к его содержательной стороне, к изменению активности отдельных моделей и аффиксов, к перегруппировкам внутри определенных структурно-семантических рядов производных слов.

Структурные синтаксические связи в Учебнике выявляются путем трансформаций, причем в дополнение к известной терминологии авторы оперируют также понятиями «именная группа», «предложная группа», «главный глагол», «трансформация» (II, с. 14—15). Здесь поражает обилие приводимого языкового материала. Однако при этом не всегда разграничиваются основные и факультативные варианты, не поясняются, например, последствия перестановки главного и придаточного предложений, а в материале о морфосинтаксическом варьировании в пределах синтагмы не отмечена его связь с лексической сочетаемостью, в результате чего появляются неупотребляемые трансформации (примеры их см. I, с. 467, 468; II, с. 273, 307, 320). С синтаксической трансформацией речи тесно связан вопрос порядка слов в предложении. Во многих местах Учебника констатируется по традиции, что нормальный порядок слов в предложении это глагол — субъект (I, с. 87, 164, 226, 276 и др.) и отмечается фиксированность места тех или иных членов предложения в структуре предложения (I, с. 370; II, с. 274—277 и др.). Однако порядок слов обусловлен коммуникативной целью говорящего, и варьирование его широко показано в фактическом материале Учебника.

Грамматические правила сформулированы четко и лаконично и оснащены множеством примеров. Авторы предпочли традиционный для немецкой и вообще европейской арабистики метод изложения грамматики и использовали существующую языковедческую терминологию обосновывая свое решение тем, что научная грамматика САЛЯ пока не создана⁶ и что в ходе обучения, особенно на старших курсах, возникает необходимость использовать известные грамматики К. Брокель-

мана и В. Райта (I, с. 12). Употребляемые немецкие термины дублируются или арабскими эквивалентами в арабской графике, в ряде случаев используются смешанные термины вроде *Nisbe-Endung* (I, с. 90), *Tamuzīz-Akkusativ* (I, с. 419), *Nisbe-Pluralia tantum* (II, с. 979). Не избежали авторы в ряде случаев характерного для арабского языковедения дублирования лингвистической терминологии.

Лексика. Тексты учебника содержат богатейший современный лексический материал. Совокупность этой лексики адекватно отражает общую картину состояния современного словаря АЛЯ. Соответствует реальности языковой ситуации употребление в текстах значительного слоя заимствованной специальной лексики и терминологии, в существующих учебниках АЛЯ практически не отражаемой. Авторы делают также попытку использовать, особенно в диалогах, ограниченное количество диалектной лексики (например, лексемы *ḥilw*, *faḍī*, *ḥakā*, *miṣī*, *ṣibbāk*), в том числе и бытовой заимствованной лексики (ср. *gātō* и др.).

Лексическая система САЛЯ не менее сложна, чем его грамматическая система. Словарь САЛЯ включает лексику общеарабскую и региональную, общезыковую и терминологическую, исконно арабскую (сюда можно причислить и освоенные классические заимствования) и заимствованную (современные заимствования-европеизмы), литературную и ограниченное количество диалектизмов, употребляемых в письменной-литературной речи. К сожалению, Учебник не содержит сведений по лексикологии АЛЯ, не объясняет особенностей словоупотребления. Между тем составной частью учебного процесса является обучение словоупотреблению в контексте несходных речевых ситуаций, в частности во избежание ошибочной синонимизации слов, имеющих разную функциональную ценность. Так, часть регионализмов не имеет необходимых лексикографических помет: например *ʾanaḥa* (сир.) — *turḥīna* (егип.) «турбина», *ḥamḍīyyāt* (сир.) — *mawālīḥ* (егип.) «цитрусовые», *ḥāṣ* (сир.) — *ʾutūbīs* (егип.) «автобус», *ḥāwlla* (сир.) — *tarābēza* (егип.) — *māʾida* (общееарабск.) «стол» и т. д. Требуется разъяснение различия употреблений слов *barrāda* — *gallāja* «холодильник», *sāʾiḥ* — *sawwāḥ* «турист», *naft* — *batrīl* «нефть», *jarīda* — *ṣaḥīfa* «газета», *ʾalam* — *waḥaʾ* «боль» и др. Функциональные различия выявляются также и в парах «свое — иностранное», например, *taʾšīru* (II, с. 44) — *vīza* (II, с. 293, 312) «виза», *ḥunāq* (II, с. 787) — *diftīrīyī* (II, с. 819) «дифтерия» и др., где, как правило, исконное слово — принадлежность письменной речи, заимствованное — элемент устной речи.

При адаптации арабских текстов для Учебника не всегда осуществлялись необходимые лексические замены, в частности, замена менее употребительных слов на более употребительные. Примеры таких словосочетаний: *ʾalḡī* (лучше *ḥalla* или *mana a*) — *l-ḥīzb* «враспустить партию», *taḥṣību* (обычно *tarḥīḍu*) — *ṣ-ṣabība* «воспитание молодежи» (II, с. 334). Отмечаются случаи нетипичного огласования слов,

⁶ В настоящее время ставится вопрос о создании особой теоретической грамматики САЛЯ, отличной от грамматики классического языка [12, 13]. В арабских странах, в частности в Египте, появляются публикации о необходимости разработки альтернативной грамматики АЛЯ на основе современной лингвистической теории, особенно для целей преподавания арабского языка; см., например, [14] и др.

например, *tašrīn* (I, с. 259) вм. *tīšrīn* «октябрь», *ʿahdum* (I, с. 499) вм. *ʿihdim* «служба». Дважды (I, с. 493; II, с. 324) неточно дано государственное название Алжира. Принципиально неверен пословный перевод на арабский язык названий гостиниц «Штадт-Лейпциг» (II, с. 522) и «Штадт-Берлин» (II, с. 524, 527), улицы «Унтер-ден-Линден» (II, с. 957), площади «Александр-платц» (II, с. 1002).

Каждая часть Учебника снабжена арабско-немецким словарем (I, с. 481—536; II, с. 1011—1112). Наблюдаются случаи, когда в них пропущены отдельные слова, употребляемые в текстах уроков, словарь же второй части повторно включает некоторое количество лексики первой части, в том числе «легкие», широкоупотребительные слова.

Мы не приводим здесь примеры опечаток, неизбежных в подобных изданиях за пределами арабских стран. Отметим, что издательство «Энциклопедия» проделало сложную и трудоемкую работу по выпуску данного Учебника на высоком техническом уровне.

Оценивая рецензируемый Учебник как целое, еще раз отметим новаторский подход авторов к проблемам обучения арабскому литературному языку, оригинальность и современность общеметодических установок, солидность аргументации грамматических положений, актуальность текстовых материалов.

✠ Белкин В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reuschel W.* Zum Problem eines Grundkursmodells. — In: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humb.-Universität zu Berlin. Ges.-Sprachw.* R. 1974, Bd. XXIII, Hft. 2.

2. *Krahl G.* Lexikalische Probleme im Zusammenhang mit einem Grundkurs für Arabisch. — Там же.

3. *Blohm D.* Minimum und Optimum der im Unterricht zu vermittelnden arabischen Syntax. — Там же.

4. *Contributions to Arabic linguistics.* Ed. by Ch. A. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1960.

5. *Cadora F. J.* The teaching of spoken and written Arabic. — *Language learning*, 1965, v. XV, № 3—4.

6. *Cowan W.* Notes toward a definition of modern standard Arabic. — *Language learning*, 1968, v. XVIII, № 1—2.

7. *Beeston A. F. L.* *Written Arabic: an approach to the basic structures.* Cambridge, 1968.

8. *Сегаль В. С.* О произносительных стилях в арабском языке. — В кн.: *Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки.* М., 1970.

9. *Anis I.* *Hawla ray i qawlihim: sāfara muḥammad ʿalī ḥasan.* — *Majallat majmaʿ al-luḡa al-ʿarabiyya bi-l-qāhira*, j. 20 (1966), s. 113.

10. *Kästner H.* *Phonetik und Phonologie des modernen Hocharabisch.* Leipzig, 1981.

11. *The Macmillan Arabic course. Book 1. Write to left. Introduction to script and pronunciation.* Francis T., Frost M.

12. *Reuschel W.* *Die Grammatik des modernen Hocharabisch.* — *Asien, Afrika, Lateinamerika*, 1978, № 5.

13. *Blau J.* *The renaissance of modern Hebrew and modern standard Arabic.* Berkeley, 1981, p. 148, 178.

14. *Husayn M. K.* *An-Nahw al-maʿqūl.* — *Majallat majmaʿ al-luḡa al-ʿarabiyya bi-l-qāhira*, j. 27 (1971), s. 24—59.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.

Автор рецензируемой работы, всесторонне осветив явление фоносемантики, предпринимает попытку построить единую научную теорию этой лингвистической дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему (ЗИС) языка.

Монография состоит из трех разделов, заключения, библиографии и приложения. Разделы формируются из 12 глав и 26 параграфов, имеющих сквозную нумерацию.

Уже само название как бы определило полемичность этой работы. Не случайно автор предвзрел Введение словами известного африканиста Д. Вестермана: «Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Знание сопротавлялось подобными попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому что подобные отношения действительно су-

ществуют...» [1]. С расширением исследований по звукоизобразительности выявлялись все новые факты, которые не поддавались адекватной интерпретации с позиций теории произвольности, немотивированности знака. Результаты, достигнутые в различных научных дисциплинах и собранные вместе, не составляли, однако, единого целого, их трудно было связать и правильно осмыслить. Таким образом, на определенном этапе возникла необходимость в строгом системном подходе, который носил бы междисциплинарный характер.

Материалом рецензируемой работы послужили 10 500 звукоизобразительных слов из более чем 100 языков, при этом привлекались английский, башкирский, индонезийский, а также селькупский, навайский, зулу и ряд других языков.

В разделе I «Фоносемантика как самостоятельная дисциплина» излагаются внешние и внутренние предпосылки фоносемантики. Целесообразность вве-